

Глава 1. Зима в префектуре Хуайсян

В десятом месяце уже наступила зима.

В префектурном городе Хуайсян всю ночь моросил дождь, и мелкий дождик всё не прекращался, пока петухи не вытягивали шеи и не начинали кукарекать, возвещая рассвет. Когда прозвучал третий крик петуха, в лечебнице Хуайжэнь на улице Гуанпин зажглась масляная лампа.

Молодой человек Сюй Ань, живший в западной комнате лечебницы, оделся и отворил дверь. Во дворе ещё царил серый сумрак, и невозможно было толком разобрать, где что находится. Холодный ветер пробрался под штанины и пополз вверх по телу.

Дверь со скрипом тут же захлопнулась.

Сюй Ань передёрнул плечами, растёр руки и мысленно посетовал, что сегодня и впрямь небывало холодно.

Он вытащил из-под кровати камфорный сундук, достал оттуда простую светло-синюю ватную одежду, накинул на себя и затянул рукава. Только после этого снова открыл дверь и вышел.

Лето в префектурном городе Хуайсян обычно не отличалось особой жарой. За всё лето здесь будто и не бывало нескольких дней подряд с по-настоящему ярким солнцем. Деревья в городе едва успевали пожелтеть, как незаметно приходила осень.

Стоило поздней осенью пролиться ещё одному дождю — и она сменялась зимним месяцем.

Осень в префектурном городе была короткой, а зима долгой. Казалось, большую часть года здесь либо стоял прохладный ветерок, либо всё вокруг пронизывал леденящий холод.

Годы сменяли друг друга, и в общей сложности Сюй Ань прожил в Хуайсяне уже тринадцать лет.

Поздней осенью, когда ему исполнилось семь, отец привёз его в префектуру, чтобы отдать в ученики лекарю.

Маленький Сюй Ань растирал покрасневшие от холода руки, выдыхал белые облачка пара, мёрз и жался к отцу, умоляя не оставлять его здесь: в префектурном городе слишком холодно, он не хочет учиться здесь врачеванию.

Кто бы мог подумать, что в мгновение ока прошло больше десяти лет, а маленький мальчик уже достиг совершеннолетия.

Все эти годы Сюй Ань находился рядом со своим учителем, конфуцианским лекарем Лю Жу. Он не осмелился бы самодовольно заявлять, будто овладел выдающимся врачебным искусством — ведь познания в медицине бесконечны. Но всё же стоило упомянуть одну вещь.

В первой половине этого года он наконец получил от учителя рекомендательное поручительство на право врачебной практики, после чего отправился Хуэйминь Хэцзицзюй в Тайпине и успешно прошёл экзамен. Так он получил свидетельство гражданского лекаря, а затем зарегистрировался в недавно открывшейся префектурной медицинской школе и получил

необходимые документы, разрешающие заниматься врачебной практикой.

Неудивительно, что Сюй Ань был так рад. Пройдя всю эту процедуру, он наконец получил полноценное право самостоятельно лечить людей и стал настоящим лекарем. Его признавали не только простые люди — он также находился под защитой властей.

Знакомые лекари говорили, что с его-то врачебным искусством, будь Лю Жу порасторопнее и выдай ему поручительство раньше, он давно бы уже получил и удостоверение, и разрешение на врачебную практику. Не пришлось бы ждать до двадцати лет.

Сюй Ань лишь улыбался.

Его учитель, лекарь Лю Жу, часто наставлял его не торопиться получать удостоверение и не позволять желанию лечить больных и зарабатывать на приёмах сделать его душу суетливой.

Нужно было как следует отточить мастерство и набраться опыта. Когда придёт время, его не только обеспечат поручительством и помогут без труда получить статус частного лекаря, но ещё и порекомендуют в Аньцзифан. А там, пройдя отбор, частный лекарь сможет стать придворным лекарем.

За эти годы Сюй Ань давно стал считать лечебницу Хуайжэнь своим домом, поэтому полностью доверял решениям учителя и принимал их без возражений.

Месяц назад учитель наконец позволил ему получить удостоверение частного лекаря. Похоже, время действительно пришло, — вот почему Сюй Ань так обрадовался этому удостоверению.

С того дня, как Сюй Ань официально стал учеником Лю Жу, он день за днём вставал ни свет ни заря и до ночи усердно изучал врачебное искусство. Ему хотелось не посрамить учителя, но, конечно, он и сам мечтал когда-нибудь попасть в Аньцзифан и стать придворным лекарем.

В конце концов, человек стремится вверх, как вода течёт вниз.

Пока мысли Сюй Аня текли своим чередом, он уже привычными движениями перевернул несколько десятков корзин с лекарственными травами, сушившимися над угольной печью возле стола для сушки. Затем убрал оставшиеся с прошлой ночи лекарственные отходы и грязную воду в помещении для обработки лекарств — что нужно было очистить, очистил, что требовало вылить, вылил.

После этого он прошёл в аптекарскую комнату, один за другим открыл шкафчики большого шкафа с множеством ящичков, проверил запасы и пополнил недостающие лекарства. Лекарственные травы, которые легко отсыревали и покрывались плесенью, проветрил. Напоследок зашел в кабинет лекаря и протёр стол для диагностики, столы и стулья.

Небо уже начало светлеть, когда какой-то юноша, держа в руках бумажный зонт, торопливо вошёл в лечебницу.

— Шисюн*, почему ты опять встал так рано? Вчера ведь лёг совсем поздно!

[*Шисюн (希迅, shīxiǔn) — старший соученик, старший товарищ по учебе у одного наставника.]

Это был третий ученик Лю Жу, Ху Шунь, который был на несколько лет младше Сюй Аня.

Сложив зонт, он окинул взглядом аптекарскую комнату, увидел уже пополненные ящички с

лекарствами и начищенный до блеска лекарственный стол, затем сердито и беспомощно зашагал в приёмную, где наконец обнаружил Сюй Аня, согнувшегося над метлой.

Ху Шунь одним движением отобрал у него метлу и прижал к груди:

— Разве мы не договорились, что сегодня я приду пораньше и всё уберу?

Вчера лечебница была занята до самого закрытия, и к концу дня у него ломило всё тело. Только он запер переднюю дверь и собирался прибраться, как внезапно привезли пациента с переломом ноги и сильным кровотечением.

Такого срочного больного нельзя было оставить без помощи, поэтому пришлось принимать его сверх обычного времени. Они провозились до глубокой ночи, лишь тогда сумели остановить кровотечение, а кабинет, где вели приём, оказался перевернут вверх дном.

За больным ещё нужно было некоторое время наблюдать. Увидев, что Ху Шунь совсем выбился из сил, старший шисюн велел ему сначала идти домой и отдыхать.

Они договорились, что утром Ху Шунь придёт всё убрать.

Сюй Ань посмотрел на Ху Шуня, широко раскрывшего глаза, и с улыбкой сказал:

— Это привычная работа, я просто сделал всё по ходу дела. Ты чего, будто боишься, что тебе работы не останется? Мне ещё нужно сходить в Аньцзифан. А тебе как раз останется подготовить лечебницу к открытию.

— Шисюн, иди спокойно. Здесь я сам справлюсь.

Ху Шунь снова не удержался и взволнованно спросил:

— Шисюн получил удостоверение частного лекаря. Значит, скоро и с Аньцзифаном всё решится?

— Пока ничего не решилось.

Сюй Ань ответил:

— Несколько дней назад из-за перемены погоды многие простудились. В Аньцзифан поступило много больных, и там не хватало людей. Лекарь Лин попросил меня прийти помочь. Теперь больные выздоровели, и я иду закончить оставшиеся дела.

Услышав, что речь лишь о помощи, Ху Шунь невольно немного расстроился. Он-то решил, что старший шисюн сегодня идёт туда потому, что вопрос о его поступлении в Аньцзифан уже решён.

Встревоженный за Сюй Аня, он пробормотал:

— В последнее время учитель постоянно берёт с собой второго шисюна. Говорит, что ходит на вызовы, но что-то не похоже.

— Я уже дважды видел, как учитель вместе со вторым шисюном заходил и выходил из Аньцзифана с главой клиники.

Он понизил голос:

— Шисюн, тебе лучше внимательнее следить за делом с Аньцзифаном. Это всё-таки хорошее место, неудивительно, если кто-нибудь на него положит глаз.

Сюй Ань потрепал Ху Шуня по голове:

— Не сплетничай об учителе и братьях-учениках. Я получил удостоверение частного лекаря, можно сказать, уже закончил обучение. Учитель, естественно, теперь уделяет больше внимания Жэньдуну и тебе. То, что он водит Жэньдуна с собой, совершенно нормально.

Ху Шунь открыл рот, собираясь ещё что-то сказать, но увидел, что Сюй Ань нисколько не сомневается. Пришлось проглотить слова. Всё-таки они были братьями-учениками, и говорить дурное о Ван Жэньдуне ему тоже было неудобно.

Когда окончательно рассвело, Сюй Ань вымыл руки и вышел из лечебницы.

Ху Шунь занялся подготовкой к открытию. Он обошёл переднюю часть лечебницы и двор, вытер и подмёл всё, что требовало уборки, начистил до блеска прилавки. Ему оставалось только вывесить знамя и открыть дверь — больше работы не было.

Погладив совершенно чистый стол для диагностики, Ху Шунь тяжело вздохнул.

Его старший шисюн уже закончил обучение и стал настоящим лекарем. Днём ему предстояло принимать больных, сушить и обрабатывать лекарственные травы, толочь их, готовить мази и пилюли, а утром и вечером он всё равно продолжал выполнять ту мелкую работу, которой обычно занимаются ученики-помощники: подметать, убирать и пополнять запасы лекарств.

Даже старый желтый вол, что целыми днями таскал телегу по городу, и тот не выглядел таким измученным, как он.

Во всех делах лечебницы не нашлось бы человека, который относился бы к ним более добросовестно. Что до врачебного искусства или чего-нибудь ещё — Ху Шунь действительно ни в чём не мог с ним сравниться.

Сюй Ань купил на утреннем рынке лепёшку, запил чаем и отправился в Аньцзифан на севере города.

Так называемый Аньцзифан на самом деле был лечебницей, учреждённой властями. Вместе с Хуэйминь Хэцзицзюй и префектурной медицинской школой он служил делу помощи простому народу.

Аньцзифан предназначался для больных бедняков, сирот и одиноких людей, которым было не на что жить. Лечение таких больных полностью оплачивалось государством: диагностика, лекарства, питание и проживание — всё было за счёт императорского двора. Аньцзифан не брал с них ни единой монеты.

Хуэйминь Хэцзицзюй, напротив, отвечал главным образом за изготовление и продажу лекарств. Там лекарства продавались по доступным ценам всем жителям, а также принимали простых амбулаторных больных. Главной задачей было поддерживать равновесие цен на лекарства в округе и пресекать попытки частных лавок взвинчивать цены.

Что же касается префектурной медицинской школы, то она была устроена примерно так же, как уездная школа: обе занимались обучением учеников, только в медицинской школе преподавали врачебное искусство, а в уездной — книжные науки.

Кроме того, медицинская школа отвечала за местную борьбу с эпидемиями и регулярно организовывала бесплатные приёмы.

Лекари, занимавшие должности во всех трёх этих учреждениях, получали жалованье от двора и считались людьми, находящимися на государственной службе. Их удостоверения относились к категории удостоверений придворных лекарей и отличались от удостоверения частного лекаря, которое получил Сюй Ань.

Придворные лекари во всём — и в жалованье с привилегиями, и в положении перед людьми — стояли выше частных лекарей на целую ступень. Поэтому многие лекари мечтали стать придворными. Но для этого требовались и врачебное искусство, и связи — без одного из двух было не обойтись. Именно поэтому столь многим лекарям дорога туда оказывалась закрыта.

В литературе существовали свои влиятельные круги, но кто сказал, что в медицине их не бывает?

Сюй Ань подошёл к воротам Аньцзифана, поздоровался с привратником и без труда прошёл внутрь.

Во время эпидемий в Аньцзифане часто не хватало людей. Тогда там тратили немного денег и нанимали городских частных лекарей. Платили им немного, а работа была тяжёлой, поэтому известные лекари не желали приходить и терпеть такие лишения.

А вот его учитель, лекарь Лю Жу, умел всё просчитывать. Когда лечебница Хуайжэнь только открылась и им приходилось изо всех сил нарабатывать клиентуру, всякий раз, когда Аньцзифану требовались помощники, он, каким бы занятым ни был, всё равно находил время прийти и помочь.

Со временем он стал хорошо знаком людям в Аньцзифане, поэтому, когда открыл собственную лечебницу, получил немалое преимущество перед другими: благодаря знакомым многие мелкие неприятности удавалось уладить без труда.

Тогда Сюй Ань был ещё маленьким учеником и часто ходил за Лю Жу по пятам, помогая ему во всём. Он постоянно появлялся в Аньцзифане, поэтому его там знали все.

Позже, когда врачебное искусство Сюй Аня стало достаточно хорошим, он начал самостоятельно приходить в Аньцзифан вместо Лю Жу. Даже глава клиники всегда относился к нему приветливо.

Сюй Ань едва вошёл, как кто-то вдруг схватил его за рукав и потащил в боковую комнату.

— Ты чего?

Оказавшись внутри, Сюй Ань увидел, как его близкий друг Линь Цзочжи выглянул в коридор, быстро закрыл дверь и лишь тогда повернулся к нему. Сюй Ань невольно занервничал:

— Что случилось? Состояние больного ухудшилось?

Линь Цзочжи нахмурился и спросил:

— Что происходит с твоим поступлением в Аньцзифан?

Сюй Ань не понял:

— Что значит «что происходит»?

Увидев его недоумевающее выражение, Линь Цзочжи ещё сильнее разозлился:

— Похоже, ты всё это время только и делал, что заботился о лечебнице, а на собственные важные дела времени совсем не находил. Вот и позволил кому-то воспользоваться случаем!

Теперь Сюй Ань уже понял, что дело неладно. Он нахмурился:

— Что случилось? Это место уже отдали кому-то другому?

Сюй Ань знал, что попасть в Аньцзифан непросто. В последние годы из медицинских школ выпускалось всё больше лекарей. Такие учреждения, как три государственных лечебницы, помогавшие народу, при отсутствии хороших связей прежде всего принимали лекарей с медицинским образованием. Обычные частные лекари, обучавшиеся у наставников, оказывались в очереди позади.

Его учитель Лю Жу был известным в префектурном городе конфуцианским лекарем и много лет сотрудничал с Аньцзифан. Казалось бы, даже если туда придёт лекарь с медицинским образованием, обойти его всё равно не должны.

— Что за человек?

— Так ты действительно ничего не знаешь?!

Увидев, что Сюй Ань и впрямь не понимает, о чём речь, Линь Цзочжи окончательно вышел из себя:

— Если бы твоё место занял какой-нибудь выдающийся человек, ещё можно было бы смириться! Но ты знаешь, кто это? Твой второй шиди* — Ван Жэньдун!

[*Шиди (二弟, shìdì) — младший соученик, младший товарищ по учебе у одного наставника.]

— Не хочу показаться злым человеком, который любит говорить за спиной о чужих недостатках, но твой учитель вовсе не такой честный и прямой, как ты думаешь. Все эти годы ты вкалывал на семейство Лю как рабочая скотина: всю тяжёлую и грязную работу делал ты, а денег толком не заработал. Врачебным искусством ты уже давно овладел, а он всё равно тянул до твоего двадцатилетия и только тогда выдал тебе поручительство.

— А ещё говорил, что тебе нужно набраться опыта и закалить характер, чтобы подготовиться к экзамену на придворного лекаря. Я ведь давно говорил, что он просто дразнит тебя обещанием, которого не собирается выполнять! А ты всё никак не хотел меня слушать. Теперь, похоже, он наконец больше не может продолжать этот спектакль!

Линь Цзочжи был всего семнадцати-восемнадцати лет, с виду — чистый и изящный юноша, но характер имел далеко не кроткий. Разозлившись, он вдоволь отругал и учителя Сюй Аня, и его младшего шиди.

— Ты вроде бы человек разумный и сообразительный, только вот слушать, когда кто-то говорит хоть что-нибудь плохое о твоём учителе или братьях-учениках, совершенно не умеешь. Ты от всей души относишься к ним, а они за твоей спиной плетут интриги и всё просчитывают!

Линь Цзочжи ещё долго ругался. Наконец, увидев, что Сюй Ань не произносит ни слова, он

ещё больше рассердился, упёр руки в бока:

— Ты хоть что-нибудь скажешь?

Сюй Ань лишь спустя долгое время выдавил:

— Ты уверен, что ничего не перепутал?

— Даже если я иногда бываю глупым, неужели я стану выдумывать такое важное дело? Сегодня один из писцов при главе тайком рассказал мне обо всём. Документы уже подписаны и скреплены печатью! Если бы ты сам не пришёл, я всё равно пошёл бы тебя искать!

Сюй Ань крепко сжал губы. Его чёрные глаза неподвижно смотрели перед собой — очевидно, эта новость сильно его потрясла.

Увидев выражение его лица, Линь Цзочжи наконец прекратил свой гневный поток ругани и смягчил тон:

— Я тоже разозлился и наговорил лишнего. Не принимай близко к сердцу. Просто подумай сам: независимо от твоего врачебного искусства, ты все эти годы так активно помогал в Аньцзифан лечить больных и столько всего вынес. Как ни крути, именно тебе следовало туда попасть. С чего бы там оказаться Ван Жэньдуну?

— Когда Лю Жу заговорил об этом, даже глава был на твоей стороне. Но Лю Жу настоял на том, чтобы порекомендовать Ван Жэньдуна. Главе тоже было неудобно возражать. В конце концов, он всё-таки уступил из уважения к Лю Жу.

На душе у Сюй Аня всё перевернулось. Эта новость действительно застала его врасплох.

Линь Цзочжи налил ему чаю:

— Брат Ань, дело уже решено. Глава даже поставил печать на документе о назначении. Ты дошёл до этого момента и при этом совершенно ничего не знал. Они намеренно скрывали всё от тебя. Даже если теперь уже ничего нельзя изменить, тебе всё равно стоит потребовать объяснений у Лю Жу.

Когда Сюй Ань вышел из Аньцзифан, затяжной дождь, начавшийся ещё прошлой ночью, всё никак не прекращался. Напротив, он лишь усилился.

На улицах было мало прохожих. Все прятались под масляными бумажными зонтами, и лиц почти невозможно было разглядеть.

В горле Сюй Аня словно застрял комок. Он не мог ни проглотить его, ни выплюнуть, и от этого в горле становилось всё тяжелее.

«Сяо Ань, ты самый любимый ученик учителя. Как следует оттачивай врачебное искусство. Учитель проложит тебе дорогу, и в будущем ты станешь придворным лекарем в клинике Аньцзифан».

«Сюэча — ещё девчонка, характер у неё живой. В будущем тебе придётся немного её потерпеть. Учитель уже стар, осталось ему недолго возиться с делами. Только и ждёт счастливых дней, когда сможет нянчить внуков».

«Ты попал к учителю ещё семилетним ребёнком и стал ему почти как родной сын. В будущем семья Лю будет зависеть от тебя и Далана*...»

[*Далан (达郎, Dàláng) — дословно «Да» (大, Dà) — большой, старший, «лан» (郎, láng) — молодой человек/сын. Это стандартное обращение к первому по старшинству сыну в семье в древнем Китае, буквально «старший сын».]

Холодный ветер шелестел вокруг. В голове Сюй Аня снова и снова всплывали слова, которые когда-то с таким участием говорил ему лекарь Лю Жу.

На душе у него бушевала буря. Он всё быстрее шагал к дому Лю.

<http://bllate.org/book/21538/2214349>